

ФОМА-ИСТРЕБИТЕЛЬ

Сброс – это когда АН-2 на бреющем полете сбрасывает в назначенную точку баулы с продовольствием и снаряжением. Разумеется, без парашютов.

Володя Павленко свою геологическую жизнь провел в Сибири. Он привык к длинным автономным маршрутам на лодках или на оленях, которые сопровождалось сбросами. По старой привычке он заказал сброс и на Памире.

Мы с Ником хоть и не были его подчиненными, но считали Павленко вторым начальником, так как наши отряды работали вместе, а у москвичей была машина.

Павленко был знаток по организации сбросов. Мешки для тюков у него были оранжевые, отстроченные для прочности специальными капроновыми лентами. Внутри каждого мешка был еще один – прорезиненный на тот случай, если тюк угодит в воду. Володя рассказал нам, что в Сибири для сброса выбирают обычно безлесное болото, так чтобы «Аннушка» могла спуститься как можно ниже, а тюки приземлиться как можно мягче, да и найти их легче – сразу видно место падения.

Володя лично упаковал консервы и снаряжение, а в один выюк положил шесть бутылок коньяка – себе на день рождения, так как сброс был заказан накануне.

Однако когда в конце длинного маршрута мы прибыли в выбранную для сброса точку, оптимизма у Володи поубавилось. Эта заранее выбранная точка находилась в котловине между двух хребтов, которые соединялись между собой на манер огромного цирка. Только в южной части отвесную стену прорезало ущелье, которое делало крутой изгиб метров через двести. Короче, место – хуже не придумать.

Павленко был в ярости. То ли горы на карте не выглядели так внушительно или что-то еще, но Володя круто ошибся и понял это только на месте. Если даже самолет спустится до высоты обычного сброса, то уже не успеет подняться и врежется в скалы. А если зафитилит тюки с 500 метров, то не выдержат и капроновые ленты. Поляна, на которой стоял наш лагерь, была единственным ровным местом, а вокруг громоздился хаос остроугольных сланцевых глыб, ощетинившихся словно заточенные ножи.

Связавшись по радиации с базой геологической экспедиции, москвичи попросили отменить сброс. В ответ им с оптимизмом сообщили, что волноваться нечего. На сброс должен прилететь знаменитый ас Фомичев по прозвищу Фома-истребитель. Мы много слышали про Фомичева, знали, что он воевал, был летчиком-истребителем, имел боевые вылеты и сбитые самолеты фашистов, сам горел в машине. Про него рассказывали несколько фантастических историй.

Павленко вновь связался с базой.

– Какой к черту ас! Вы бы видели это место, для сброса оно не годится. Срочно позвоните в авиаотряд и отмените сброс, – кричал Володя по радиации.

Радист экспедиции еще раз связался по телефону с авиаотрядом, но там сказали, что Фома своих решений не меняет, и если обещал, значит прилетит.

Павленко ругался по-страшному и кричал, что ему не нужны рваные мешки, сплюснутые банки и разбитые бутылки. Горы надменным молчанием реагировали на его истошные крики.

Утром мы ждали борт. Связи с аэродромом и самолетом мы не имели, так как геологические радиостанции работали на другой частоте. Теперь мы оставались только зрителями.

Павленко нервничал больше всех. Всю ночь он шил черно-белую полосатую кишку указателя направления ветра, которые устанавливаются на настоящих полевых аэродромах. Утром мы водрузили указатель ветра на шесте посередине лагеря. Кишку стало крутить вокруг шеста, как пропеллер. Вероятно, мы стояли в центре турбулентных восходящих потоков.

Павленко срочно решил перенести указатель в сторону, но тут над заснеженными гребнями гор появился самолетик. Он, не торопясь, сделал круг, облетая по периметру цирка, затем пролетел точно над нами и сбросил впереди и позади нас дымовые шашки, от которых потянулись бурые хвосты дыма, четко показавшие направление ветра.

Все ждали. В напряженной тишине рабочий авторитетно и громко заявил:
– Счас зафитилит с километра!

Самолет пошел на второй круг. Нервы у Павленко были взвинчены до предела. Теперь он отчетливо видел всю бесполезность и опасность затеи со сбросом, но сделать ничего не мог.

Вдруг летевший над гребнем цирка самолет стал заваливаться на левое крыло и косо падать вниз, пикируя параллельно крутому заснеженному склону. Зрелище было жуткое. Казалось, катастрофа неминуема и самолет врежется в подножие горы. Но движение самолета вдруг изменилось, он как-то незаметно развернулся около самого дна цирка и с бешеной скоростью на высоте нескольких метров помчался прямо на нас. Мы кинулись врассыпную. Я был уверен, что «Аннушка» колесами заденет за палатки.

Открытая боковая дверь самолета была не видна, и я только услышал три глухих удара о землю. Самолет с ревом пронесся над нашими головами значительно выше, чем я ожидал и ушел в сторону ущелья почему-то без всякого звука. Через несколько секунд стало ясно, что самолет не успеет набрать высоту и врежется в скалы. Павленко громко скрипнул зубами и со злостью шмякнул о землю пачку сигарет.

Неожиданно «Аннушка» развернулась на ребро и точно вошла в узкий просвет ущелья.

Я видел, как Павленко зажмурился, ожидая грохота взрыва. Ущелье, как мы знали, сразу делало крутой поворот.

Но тишина стояла полная – ни грохота разрыва, ни шума мотора, как будто вообще не было самолета.

Прошла минута, вторая, третья. Павленко с недоумением смотрел в сторону ущелья.

– Ну что, сходим посмотрим? – неуверенно предложил он нам.

Мы двинулись к ущелью.

– Вот он! – вдруг закричал Ник, указывая назад.

Косо вдоль склона, падая на левое крыло, скользила фигурка самолета. Рядом, переламываясь на гребнях заснеженных скал, резко прыгала его четкая тень.

Сердце мое снова ударило в бешенный галоп. Когда стало ясно, что катастрофа неизбежна, самолет опять сделал немыслимый финт и снова помчался на нас.

– Тук, тук, тук, – четко упали тюки сброса и самолет с ревом пронесся над палатками. Я краем глаза заметил, как Ник присел от страха.

И снова бесшумно удаляющийся самолет разворачивается вертикально на ребро и протискивается в узкий просвет ущелья.

И тишина.

В третий раз самолет вошел в своё жуткое пикирование. Казалось, что два раза подряд свершилось чудо и в третий раз оно не произойдет. Когда самолет достиг низшей точки, у меня от страха вдруг противно заныло в животе. И снова немислимый финт и мчащаяся на нас ревущая машина, смазанное скоростью лицо пилота за стеклом кабины. На тюки уже никто не обращал внимания. Я даже не обернулся, чтобы посмотреть, как самолет входит в ущелье, моя нервная система была истощена.

Наступила полная тишина. Павленко сел на тюк, который упал точно между двух палаток, и чиркнул спичкой, пытаясь закурить сигарету. Руки у него дрожали.

Наконец он прикурил, несколько раз затянулся и сдавленным голосом произнес:

– Ну, Фома, потрепал нервы на день рождения!

Высоко над нами появилась серебристая фигурка самолета и покачала крыльями. Мы с Ником радостно заорали в ответ.

От самолета отделилась точка и сначала медленно, а потом все быстрее стала падать на нас.

– Вымпел! – воскликнул Павленко.

Мы с Ником наперегонки бросились к упавшему вымпелу и, как верные псы, принесли Володе твердую трубочку прямо в руки.

– Привет, мужики! – вслух прочитал Павленко на бумаге, извлеченной из непромокаемой трубки. – Летной Вам погоды! Фома.

Пока мы с Ником собирали разбросанные по поляне тюки, Павленко безошибочно распознал и распаковал тот, который был с коньяком. Все бутылки оказались целые, вот только пробки. Тогда коньяк запечатывали настоящими пробками и заливали сургучом. Так вот, от удара сургуч осыпался, и длинные пробки вылезли из горлышка бутылок почти целиком.

Павленко без усилия рукой вытащил пробку, вытер платком горлышко бутылки и еще раз восхищенно произнес:

– Ну, Фома! Твое здоровье! – И сделал добрый глоток.

С этого дня Павленко задался целью обязательно позвать Фому к нам в отряд и угостить как следует после возвращения на базу. Спиртное он купил, а поварихе Тасе и мне с Ником поручил приготовить стол.

– Хорошо бы сделать настоящий узбекский плов, – размечтался Володя, – может пригласить повара из местных?

Мне очень хотелось самому попробовать изготовить плов. Пока мы жили в Оше в узбекской семье, я тщательно изучил технологию изготовления плова и записал рецепт. Но испытать на практике свои знания все как-то не удавалось.

– В Ленинграде только два человека могут прилично готовить настоящий среднеазиатский плов, – авторитетно заявил я.

Павленко насторожился.

– Один работает шеф-поваром в ресторане «Кавказский», – я сделал небольшую паузу и добавил, – а второй перед вами.

– Врешь! – не поверил Павленко.

Я оглянулся на Ника, призывая его в свидетели, но он, как всегда, нахально отвернулся.

– Ладно, делай плов. Только учти – головой отвечаешь!

Я всегда считал, что «смелость города берет», а тут какой-то плов. Подумаешь, даже тот шеф-повар когда-то готовил плов первый раз в жизни.

Все дружно стали мне помогать. Женщины резали морковь и промывали рис, Ник чистил керосинки и с усмешкой поглядывал в мою сторону.

Конечно, определенные трудности были, во-первых, старая маломощная керосинка с трудом могла нагреть большой чугунный казан; во-вторых, высота над уровнем моря три с половиной тысячи метров и вода кипела при температуре около девяноста градусов, – одна видимость кипения, вода булькала и ничего в ней не варилось. А плов должен был получиться крупинка к крупинке. В первый раз я не имел права опозориться.

Павленко недоверчиво поглядывал на меня, но я в ответ так на него смотрел, будто всю жизнь готовил плов на приемы высоких гостей. Начальник немного расслабился, увидев с какой скоростью я шинкую лук. Этому я научился у моего приятеля Макса, который работал поваром в столовой. Геологини тоже пришли взглянуть на мое мастерство. Для показухи я увеличил скорость и чуть не отхватил себе ножом кончик пальца.

Все маялись в ожидании гостей. Я готовил плов. Ник менял под казаном керосинки, так как от большого пламени фитиль быстро сгорал. Над лагерем плыл чарующий запах настоящего плова, его ни с чем не спутаешь. Павленко угостил нас сигаретами.

Наконец, в лагерь пришла машина и привезла летчиков. Первым из кабины вылез стройный мужчина в кожаном реглане с густой седеющей шевелюрой и спокойным взглядом серых глаз. На левой щеке был заметен след старого ожога.

Именно таким я себе Фому и представлял. Из-за спины летчика вывернулся коренастый плешивый мужик в потрепанной кожаной куртке, по виду типичный бортмеханик. Он широко улыбался, обнажая редкие коричневатые зубы.

Летчики за руку поздоровались с геологами. Мы с Ником скромно стояли в стороне.

Бортмеханик тряс всем руки, панибратски хлопал геологов по плечу, смеялся мелким залихватистым смехом над собственными остротами и не давал Фоме и всем остальным раскрыть рта. Есть такой сорт людей, которые своей идиотской общительностью мешают всем остальным. Заметив нас с Ником, бортмеханик поднял в приветствии руку и крикнул:

– Молодым привет!

Фома, не спеша, подошел к нам и крепко пожал руки. Ладонь у него была сухая и твердая, словно кость.

Гостей пригласили в палатку. Мы вернулись в столовую, и я попробовал рис. Сверху зерна были сырыми, но в глубине плов был вкусным насыщенным и рассыпчатым, как ему и положено быть. В палатку заглянула Тася.

– Павленко сказал, чтобы через десять минут подавали, – сообщила она.

К нам в палатку заглянул водитель машины летчиков и, потянув носом, восхищенно произнес:

– Мужики, да у вас тут настоящим пловом пахнет.

Я перевернул казан над плоским эмалированным тазом. Куски дымящегося мяса оказались сверху.

На вытянутых руках я понес таз гостям. Ник нес миску, в которой я замариновал в винном уксусе нарезанный кольцами фиолетовый репчатый лук. Запах плова сразу заполнил палатку, и Фома даже захлопал в ладоши.

Все принялись за еду и дружно меня хвалили. Володя попросил меня спеть «Як-истребитель». Я старался во всю и хрипел так, что удивился бы сам Высоцкий. Бортмеханик пришел в восторг. Он хлопал меня по спине, называл «молотком» и умолял повторить ещё раз. Украдкой взглянув на Фому, я заметил, что песня ему тоже понравилась, и запел снова.

После заключительного куплета бортмеханик совсем распоясался и так хлопнул меня по спине, что я подавился и закашлялся. Он тут же налил мне полстакана водки и уговаривал выпить залпом, обещая, что сразу будет хорошо. Как быстро становится хорошо после таких доз, я уже насмотрелся, наблюдая нашего водителя-алканавта, и наотрез отказался.

– Кто же написал такую замечательную песню, не знаешь? – спросил бортмеханик.

– Владимир Высоцкий.

– Он кто, летчик да? Интересно, где воевал?

– Он актер, а не летчик. В театре работает и в кино снимается.

– Много ты понимаешь! – безапелляционно заявил бортмеханик и небрежно махнул рукой. – Конечно, летчик! Я летунов печенкой чувствую. Давай ещё раз рванем Яка, ну?

Этот механик мне уже порядком надоел, но суровый взгляд Фомы просил повторить. Песня мне и самому нравилась, и я не стал ломаться. Когда я пою песню, то забываю обо всем на свете и горю в самолете и умираю по-настоящему. Я начал петь другую песню Высоцкого, тоже про летчиков и, когда спел:

– Сергей, ты горишь!

Уповай, человеке

Теперь на надежность строп.

Но поздно,

И мне вышел юнкерс навстречу...

Прощай! Я приму его в лоб!

Бортмеханик неожиданно хрястнул кулачищем по столу, так что перевернулись тарелки.

Когда я кончил петь и открыл глаза, то обнаружил прямо перед носом стакан с водкой, а за ним суровое лицо бортмеханика.

– Давай выпьем за того парня, как говоришь его фамилия?

– Высоцкий!

– Давай! За то, что хорошо воевал. Летной ему погоды!

– Не воевал он... – опять начал я.

– Помолчи! – оборвал меня механик. – Пей!

За Высоцкого я не мог не выпить, но не целый же стакан, и как на меня механик не обижался, сделал только один глоток. Попытка уговорить меня четвертый раз спеть Яка у механика не удалась, и он вдруг засобирался, утверждая, что ему срочно надо в авиаотряд. Все почему-то горячо уговаривали его остаться, но он только тряс головой и проводил рукой поперек горла.

– Вот, Андрей с вами останется, – вдруг нахально заявил механик, показывая на Фому, но тот отреагировал очень спокойно, видимо, такая договоренность у них была раньше.

Все поднялись и отправились провожать механика. У машины механик вдруг развернулся и хлопнул меня по плечу явно сильнее, чем это допускали наши отношения. Реакция у меня была отличная, и если бы я захотел, то успел отклониться и дать возможность пьяному гостю промахнуться и упасть. Но я принял удар в плечо и даже не шелохнулся.

– Не сердчай, – заявил механик, дыша на меня спиртовым перегаром.

И тут я вдруг увидел, что он совсем не пьяный и стукнул меня намеренно для проверки. По его расслабленной стойке было ясно, что он в боксе не новичок и, если бы захотел, не промахнулся, как я наивно полагал.

Механик снял с руки часы, зажал их в кулаке и предложил:

– Махнем не глядя?

– Забыл свои на рояле, – соврал я, немного стыдясь от того, что у меня нет часов. Я потерял их в Крыму на практике.

Но механик сразу меня вычислил и вложил в мою ладонь часы.

– Держи, на память!

Он попрощался, дав всем подержаться за свою неожиданно мягкую ручку, и уехал, пообещав прислать машину за Андреем через три часа.

Мы вернулись в палатку, и я наконец-то подсел ближе к Фоме. Его суровая молчаливость очень даже мне импонировала. Смотрелся он отлично: седеющая густая шевелюра, спокойный взгляд и две очень красивые складки на впалых щеках. Мне бы такое мужественное лицо!

– А что ты, Андрей, такой седой? – спросил его Павленко, разливая в кружки коньяк.

Андрей зажал кружку между ладоней, усмехнулся и вдруг сказал:

– Поседеешь, когда с Фомой год полетаешь!

– Что? С каким Фомой? – не понял я.

Выпитое спиртное не мешало мне соображать, и, прежде чем получить ответ, я уже понял, что Фома был тот плешивый, которого я принял за механика. А сидящий перед нами красавец, поседевший от страха, был штурманом.

Я страшно расстроился и ушел в палатку, и лишь уговоры Павленко заставили меня вернуться назад и спеть ещё несколько песен.

Пока Ник пел, я незаметно достал из кармана часы. «Командирские» было написано на циферблате.

Когда за штурманом пришла машина, я протянул ему свою «Федоровскую» трубку и просил передать Фоме.

– Он же не курит, – удивился механик.

– Это на память.